Анализ состава публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ)

Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович
Старший преподаватель кафедры Уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

В первоначальной редакции ст. 280 УК РФ предусматривалась ответственность за публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации. Объективная сторона данного деяния могла выполняться путем публичных призывов к насильственному захвату власти, к насильственному удержанию власти либо к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации. В 2002 г., в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», статья 280 УК РФ была изменена.

Первая проблема, связанная с данным составом, состоит в определении объекта преступного посягательства.

Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», исходя из названия раздела УК РФ (разд. X), является государственная власть. Видовым объектом выступают основы конституционного строя и безопасность государства (гл. 29). Иначе говоря, это преступление отнесено законодателем к группе наиболее тяжких преступлений против государства. Непосредственным объектом данного преступления являются конституционный строй и политическая система Российской Федерации, целостность и безопасность государства. Кроме того, в качестве дополнительного объекта могут выступать права и свободы человека и гражданина, а также общественный порядок, поскольку преступление совершается публично.

Объективная сторона рассматриваемого преступления выполняется путем призывов.

Еще одна проблема касается обязательного признака объективной стороны рассматриваемого преступления – публичности. Призывы, по смыслу закона, должны быть обращены к неопределенно широкому кругу лиц. В науке уголовного права ведутся споры относительно количества адресатов призывов. Следует согласиться с теми авторами, которые утверждают, что «арифметический» подход к оценке признания (или непризнания) публичности в данном случае неприемлем. В каждом конкретном случае наличие или отсутствие в деянии признака публичности необходимо устанавливать в зависимости не от количества присутствующих во время совершения деяния человек, а от того, какие отношения связывают этих людей с человеком призывающим, как их воспринимает исполнитель и т.п. В литературе уже не раз отмечалось, что обсуждение подобных проблем в узком кругу единомышленников не образует данного преступления. Важно также, чтобы «имели место именно призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а не, например, беседа, обмен мнениями или обсуждение вопросов по поводу происходящих в обществе и государстве политических процессов»[158]. Кроме того, признак публичности – один из признаков, позволяющий разграничивать призывы в рамках ст. 280 УК РФ и подстрекательство к преступлению (об этом подробнее будет сказано ниже).

Сайты популярных в настоящее время социальных сетей средством массовой информации не являются, как было сказано выше, если они не зарегистрированы в этом качестве. После изменений, внесенных в ч. 2 ст. 280 для интернет-сайтов признак публичности все равно остается

обязательным условием. И если Интернет-страницы, на которых размещены призывы, находятся в открытом доступе, то признак публичности налицо, поскольку ознакомиться с ними может неограниченно широкий круг граждан. Судебная практика идет по этому же пути.

Попробуем разобраться, необходимо ли ограничительное толкование понятия «экстремистская деятельность» применительно к ст. 280 УК РФ. В главе первой данного диссертационного исследования уже говорилось о том, что не всякая экстремистская деятельность является уголовно-наказуемой. В связи с этим способы выполнения объективной стороны деяния, предусмотренного ст. 280 УК РФ, если не прибегать к ограничительному толкованию, можно условно подразделить на две группы: призывы к совершению уголовно-наказуемых деяний и призывы к совершению административных правонарушений либо иных действий.

В ст. 205.2 УК РФ уже закреплена ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, которая также признается экстремистской деятельностью в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремизму». Иначе говоря, ст. 205.2 УК РФ является специальной по отношению к ст. 280 УК РФ. Таким образом, ответственность за такие деяния будет наступать по специальной уголовно-правовой норме. Из всех остальных деяний, перечисленных в ст. 1 данного Федерального закона, к уголовно-наказуемым деяниям относятся деяния, предусмотренные ст. 136, ч. 2 ст. 141, ст. 278, ст. 279, ст. 282 УК РФ, а также преступления, совершенные по мотивам, указанным в п. «е» ст. 63 УК РФ.

Другой важной проблемой, связанной с квалификацией рассматриваемого преступления, является проблема отграничения деяний, предусмотренных ст. 280 УК РФ, от подстрекательства к совершению преступлений, относящихся к экстремистской деятельности. Как отмечается в специальной литературе, подстрекательство всегда адресовано одному или нескольким лицам, которые конкретно определены[162], в то время как деяние, предусмотренное ст. 280 УК РФ, обладает обязательным признаком публичности, который свидетельствует о том, что призывы адресованы неопределенно широкому кругу лиц.[1,с.25]

Помимо этого, в литературе выделяют еще один признак, отличающий подстрекательство к совершению преступления от деяния, предусмотренного ст. 280 УК РФ. Данный признак заключается в том, что подстрекательство направлено на возбуждение желания совершения индивидуально определенных общественно опасных действий (бездействия), причиняющих вред конкретному объекту. Смысл призывов в рамках ст. 280 УК РФ, как верно отмечает Б.Б. Бидова, в том, чтобы «оказать на граждан объединяющее воздействие, вызвать, в конечном счете, массовые действия, обеспечивающие, например, насильственный захват власти»[2,с.259]. Кроме того, призывы в отличие от подстрекательства осуществляются в более общей форме, не требуют немедленной ответной реакции от адресата, виновное лицо не рассчитывает на такую реакцию, а также нет целенаправленного воздействия на конкретное лицо с целью возбудить именно в нем решимость совершить конкретное преступление, как при подстрекательстве.

Таким образом, основными признаками, отличающими деяние, предусмотренное ст. 280 УК РФ, от подстрекательства к конкретному преступлению является признак адресованности призывов конкретным лицам и индивидуальная определенность общественно опасных действий, на совершение которых направлены призывы, в случае подстрекательства.

Главным вопросом применительно к призывам этого типа является вопрос обоснованности установления за них уголовной ответственности. Иначе говоря, смысл проблемы в том, обладают ли такие призывы общественной опасностью, чтобы считаться преступлением?

Несмотря на то, что преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, окончено с момента публичного высказывания призывов, независимо от того, оказали ли эти призывы какое-либо

воздействие на граждан, общественная опасность призывов к совершению экстремистской деятельности заключается именно в возможности оказания такого воздействия на слушателей и в возможности склонения части адресатов путем этих призывов к осуществлению экстремистской деятельности. По нашему мнению, опасность призывов к осуществлению экстремистских действий, которые представляют собой лишь административные правонарушения, недостаточна для их криминализации. В этих случаях допустима только административная ответственность. Не может быть уголовно-наказуемым деяние, лишь потенциально могущее способствовать совершению иных деяний, которые по тяжести причиняемого вреда гораздо менее значительны. Само деяние не является преступлением, а призывы к его совершению объявляются преступлением. Это неверно. Сами призывы к совершению таких деяний не могут нести в себе большую общественную опасность, чем непосредственное совершение этих деяний. Основное деяние всегда более опасно, чем склонение к его совершению, и чем призывы – тем более, поскольку адресованы не конкретным лицам – соучастникам, а неопределенно широкому кругу лиц.

Что касается призывов к вообще ненаказуемым деяниям, то криминализация таких действий является еще более необоснованной: деяние ненаказуемо, а призывы к нему – наказуемы. Например, организация и подготовка к публичным призывам к осуществлению экстремистской деятельности, также является экстремистской деятельностью, но она ненаказуема (организация и подготовка являются приготовлением к преступлению, а ввиду того, что деяние, предусмотренное ст. 280 УК РФ, является преступлением средней тяжести, то приготовление к данному преступлению не является уголовно-наказуемым). Более того, при широком толковании понятия экстремистской деятельности применительно к ст. 280 УК РФ получается, что в рамках данной статьи уголовно-наказуемыми становятся публичные призывы к организации и подготовке к публичным призывам к осуществлению экстремистской деятельности.

В связи с вышесказанным представляется обоснованным декриминализировать призывы к осуществлению тех форм экстремистской деятельности, которые не являются уголовно-наказуемыми.

Литература:

1. Бидова Б. Б. Психолого-политическое понимание экстремизма // Молодой ученый. - 2013. - №1. - С. 259-260.

2. Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук. - М., 2015.- 169 с.